

RU

Влияние имперской модернизации конца XIX – начала XX в. на жизнедеятельность духовенства новообразованных епархий Русской православной церкви (по материалам Омской епархии)

Берковская З. Н.

Аннотация. Цель исследования - выявить субрегиональные особенности формирования сообщества духовенства Омской епархии в условиях имперской модернизации (конец XIX - начало XX в.). В статье основное внимание уделяется анализу воздействия на духовенство новообразованной Омской епархии таких факторов модернизации, как колонизационная политика на окраинах Российской империи и переселение крестьян за Урал. Научная новизна исследования заключается в определении специфических черт духовенства Омской епархии, сформированных в результате воздействия отдельных факторов модернизации. В результате выделены и охарактеризованы такие отличительные свойства профессионального сообщества омского клира, как материальная необеспеченность, низкий образовательный ценз, готовность части духовенства к изменениям церковного управления в условиях новой социально-экономической и политической ситуации в российском обществе.

EN

Influence of Modernization Processes of the End of the XIX – the Beginning of the XX Century on Clerical Life in Newly Established Eparchies of the Russian Orthodox Church (by the Materials of Omsk Eparchy)

Berkovskaya Z. N.

Abstract. The paper aims to reveal sub-regional peculiarities of Omsk clerical community formation under conditions of modernization (the end of the XIX - the beginning of the XX century). Special attention is paid to analysing influence of modernization factors (Russia's colonial policy in remote regions, peasant resettlement to the Trans-Ural region) on clerical life in newly established Omsk eparchy. Scientific originality of the study involves identifying features of Omsk clerical community acquired as a result of modernization processes. Relying on the conducted analysis, the author identifies and describes typical features of Omsk clergy: poor material situation, low educational level, readiness of some clergymen for changes in the parochial administration system under the new socio-economic and political situation.

Введение

Многие социальные институты России во второй половине XIX – начале XX в. испытали серьезное воздействие имперской модернизации. Переход к индустриальному обществу сопровождался изменениями в политической, социальной и культурной сферах. Данный временной отрезок (начиная с 1890-х гг.) в современной исторической литературе рассматривается как целостный и завершённый этап имперской модернизации, на протяжении которого государство и общество России столкнулись с масштабными проблемами и задачами: «Страна вступала в новую эпоху, не только экономические, но и социальные процессы резко ускорились, привычные структуры повседневности быстро менялись» [30, с. 212].

Эти изменения коснулись и Русской православной церкви, которая была вынуждена активно приспосабливаться к модернизационным процессам. Наибольшие сложности возникали у новообразованных епархий РПЦ. Омская епархия возникла в числе последних в имперской России (1895 г.); её дореволюционное существование, быт и деятельность священства как раз и пришлись на период ускоренной модернизации. Актуальность

темы исследования обусловлена тем, что всесторонний анализ деятельности РПЦ на рубеже XIX–XX вв., учитывающий специфические черты развития РПЦ в окраинных регионах страны последних десятилетий существования империи, становится очень важным для эффективного продвижения исследовательского процесса не только в направлении изучения региональных структур РПЦ, истории Сибири, но и истории православия и российского общества в целом накануне революции 1917 года.

Исходя из цели, предполагается решить следующие задачи: определить степень воздействия имперской модернизации на процесс создания Омской епархии; выявить особенности процесса формирования клира Омской епархии; оценить материальное положение духовенства Омской епархии и условия для полноценного осуществления его традиционных функций; проанализировать отношение клира Омской епархии к проектам изменения модели функционирования РПЦ в начале XX в.

В основу исследования положен принцип историзма. Использование данного принципа позволило выявить связи между историческими процессами в России конца XIX – начала XX в. и обстоятельствами создания Омской епархии, формирования её клира. Автор опирался на комбинацию системного подхода с социокультурным, что соответствует практикам, присущим такому научному направлению, как социальная история. Для реализации обозначенных концептуальных подходов автор использовал историко-типологический и историко-сравнительный методы исследования, что позволило выявить общие закономерности и особенности профессионального сообщества духовенства Омской епархии в сравнении с другими российскими епархиями.

Главенствующими элементами теоретической базы исследования являются результаты работы авторов, разрабатывавших теорию модернизации. Данная теория, в основу которой легли представления о переходе тех или иных стран от традиционного аграрного к индустриальному обществу, зародилась в 1960-х гг. и до сих пор, несмотря на известную разницу в исследовательских подходах, демонстрирует свою плодотворность. Наибольшую значимость для решения поставленных задач имеют научные изыскания Б. Н. Миронова [18; 19]. Исследования проведены на основе изучения источников Российского государственного исторического архива, церковной и светской региональной периодики конца XIX – начала XX в., делопроизводственной и статистической документации Синода.

В историографии РПЦ так или иначе предпринимались попытки охарактеризовать влияние изменений, вызванных модернизацией, на жизнедеятельность церкви и ее духовенства. Правда, эти изменения чаще всего не обозначались термином «модернизация». Тем не менее влияние соответствующих процессов на профессиональное церковное сообщество России стало предметом изучения уже в начале XX века в работах историков В. А. Кильчевского [16], Н. М. Никольского в книге «История русской церкви», увидевшей свет в 1930 г. [20]. Канадским историком Д. В. Поспеловским была осуществлена попытка определения роли духовенства в общественно-политической жизни России на рубеже веков. Он обозначил пути выхода РПЦ из внутреннего кризиса и создание планов новой модели её функционирования в начале XX века [29].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его результаты, сформулированные выводы при создании обобщающих работ по истории Русской православной церкви в зауральских регионах, а также в разработке учебных пособий, курса лекций по отечественной истории, истории Сибири и Омской епархии и в краеведческой работе.

Воздействие имперской модернизации на процесс создания Омской епархии

Говоря о воздействии модернизации на формирование омского духовенства в качестве профессионального церковного сообщества, прежде всего, необходимо отметить значимость таких факторов, как активная колонизационная политика на окраинах Российской империи и столыпинская аграрная реформа, в ходе которой осуществлялось контролируемое государством масштабное переселение крестьян за Урал. Следствием этих процессов стало образование большого количества новых поселений на неосвоенных территориях Центральной Азии и юга Западной Сибири. Важным направлением имперской модернизации стало их экономическое освоение. Значительная роль в социокультурном развитии этих регионов отводилась РПЦ, и государство в лице Синода в полной мере осознавало необходимость расширения здесь деятельности православного клира. С одной стороны, это было обусловлено возникшей острой потребностью православных переселенцев в развитии церковной инфраструктуры и налаживании полноценной церковной службы. С другой – в решении задач церкви по более активному, нежели ранее, вовлечению в процесс интеграции в русский культурный мир коренных жителей юга Западной Сибири и Северного Казахстана.

Государство стремилось усилить эффективность функционирования РПЦ на обширных территориях Сибири (в широком географическом понимании этого термина) посредством разукрупнения православных епархий, что привело к значительному увеличению их числа. Если в 1880 г. насчитывалось всего три сибирские епархии, то в 1895 г. их число возросло до одиннадцати [28, с. 425]. Последней сибирской епархией, созданной в имперский период, стала Омская епархия, решение об открытии которой первоначально было принято на собрании сибирских преосвященных в 1885 г. в Иркутске. Данный факт имел особое значение. Главным предметом обсуждения собора архиереев в Иркутске было «изыскание мер к благоустройению православных инородческих приходов и к усилению миссионерской деятельности в среде инородцев-язычников Сибири и в местностях, заражённых расколом» [33, с. 15]. Одним из шагов в этом направлении, по мнению сибирских архипастырей, которые действовали в рамках государственной модернизационной политики,

направленной на продвижение русской культуры, православного образа жизни среди иноверческого населения, должно было стать образование новой епархиальной единицы на просторах Степного края.

Между тем Тобольская духовная консистория, основываясь на результатах работы специальной комиссии, в 1888 г. предложила не открывать самостоятельную епархию, а назначить в Омск викарного епископа [Там же]. Несмотря на то, что организация новых структур РПЦ была важным элементом колонизационной политики, руководство Тобольской епархии не спешило принимать кардинальные решения. Оно понимало, что выделение самостоятельной епархии требовало достаточного числа православных приходов, значительного количества православного населения, семинарии и духовных училищ, кадрового потенциала клириков, дополнительных источников финансирования. Ресурсов для выполнения таких условий на территории предполагаемой будущей Омской епархии не было. В данном контексте можно говорить о правомерности и мотивированности решения Тобольской духовной консистории, которая считала целесообразным ограничиться созданием викариатства для Акмолинской и Семипалатинской областей.

Действуя в рамках общего курса политики самодержавия, не считаясь с мнением тобольских иерархов, а также не пытаясь создать необходимые благоприятные условия для организации новой административной единицы, Синод принял однозначное решение. На основании представления обер-прокурора Синода Государственный совет подготовил Мнение об учреждении Омского епархиального управления. Утвержденный 16 января 1895 г. императором документ определил штат и финансовое обеспечение епархиального управления [34, с. 68]. 18 февраля 1895 г. доклад об учреждении Омской епархии был удостоен монаршего утверждения. Эта дата стала считаться днем основания Омской епархии [15, с. 543].

Особенности и характер процесса формирования клира Омской епархии

Стремительная организация новой церковной административно-территориальной единицы привела к целому ряду проблем, главной из которых стало отсутствие в Омской епархии достаточного кадрового потенциала. Данные исследований показывают, что количество местных священно-церковнослужителей с 1895 г. по 1914 г. выросло в 2,5 раза (извлечено и подсчитано по: [3-11; 31, д. 1965, л. 17, д. 2041, л. 14, д. 2161, л. 6, д. 2225, л. 7, д. 2287, л. 21, д. 2343, л. 14]. – З. Б.). Это как раз и являлось следствием попыток ликвидировать острейшую нехватку кадров духовенства в условиях интенсивного переселенческого движения крестьян в Сибирь, создания новых приходов для удовлетворения религиозных потребностей возраставшего числа православных верующих. Таким образом, можно утверждать, что формирование омского духовенства как профессиональной группы затянулось на два десятилетия и охватило весь имперский период существования епархии.

Характер этого процесса в значительной степени был обусловлен реформами второй половины XIX в., предусматривавшими меры по преодолению замкнутости духовного сословия посредством отказа от принципа наследования «духовного состояния» [32, с. 52]. В результате духовенство утратило свои специфические привилегии и «эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей» [18, с. 59]. Студентам духовных семинарий разрешили поступать в университеты, детям духовенства – в гимназии и военные училища, что привело к росту социальной и профессиональной мобильности духовенства [Там же]. В Омской епархии в полной мере чувствовались последствия данных нововведений. Так как в соответствии с законом Российской империи «О состояниях» в состав белого духовенства могли вступать лица любого происхождения и состояния [32, с. 52], это обусловило тот факт, что только 57% духовных лиц Омской епархии в начале XX в. относились к потомственному духовенству [1, с. 77].

Анализ процесса пополнения клира Омской епархии показывает, что большее число священно- и церковнослужителей занимали свои места посредством перевода из других епархий: по распоряжению епархиального начальства, по собственной инициативе, с целью поиска лучших условий жизни или вследствие наказания за проступки. И лишь незначительный процент составляли выпускники духовных семинарий и училищ. Несмотря на то, что для принятия священнического сана одним из обязательных условий было окончание семинарии посвящаемым, Синод в 1885 г. разрешил епархиальному начальству рукополагать в священнический сан лиц, не имеющих полного курса богословского образования [37, с. 129]. В итоге значительную часть духовенства Омской епархии составляли лица, перешедшие из других сословий. Среди духовенства можно было встретить выпускников учительских семинарий, горного училища, сельскохозяйственных школ, военной прогимназии, городского училища, Казанских миссионерских курсов. В 1908 г. около 30 священников (13,2% от общего числа священников в епархии) имели за плечами лишь курс начальной школы либо домашнее образование, являлись выходцами из мелких чиновников, из бывших нижних воинских чинов, из фельдшеров [31, д. 2287, л. 21].

Острый дефицит образованных представителей духовенства приводил к снижению общих требований к кандидатам в священнослужители в епархии. Омский Преосвященный Сергий в 1901 г. по данному поводу писал: «При постоянном строительстве и открытии новых приходов здесь имеется всегда столь безотлагательная нужда в кандидатах священства, что за отсутствием конкуренции – прошедший несколько классов в духовной семинарии и зарекомендовавший себя на должности псаломщика или в сане дьякона человеком трезвым, религиозным и честным, по необходимости считается вполне пригодным для занятия священнического места в селе или поселке» [Там же, д. 1965, л. 18].

В начале XX в. полное богословское образование имели от 36% до 47% священнослужителей Омской епархии. Необходимо отметить, что с каждым годом этот показатель снижался, и такая тенденция была характерна

для многих сибирских епархий. По сведениям О. Н. Устьянцевой, в 1914 г. в Иркутской епархии полное богословское образование имел 91 священник из 237, что составляло 38,4%, в Томской – из 1118 – 331 (29,6%) [35, с. 101]. В то же время, по данным Б. Н. Миронова, в начале XX в. в среднем по российским епархиям 64% священнослужителей получили образование в семинариях и академиях [19, с. 104]. Таким образом, уровень образования большей части духовенства Омской епархии не соответствовал общероссийским показателям. Омские епархиальные руководители основной причиной неудовлетворительного положения в указанной сфере считали отсутствие своей духовной семинарии.

Отсутствие семинарии в епархии с каждым годом способствовало снижению средних показателей уровня образования духовенства. Это затрудняло эффективную проповедническую деятельность, установление доверительного общения между клиром и прихожанами, а потому вело к падению авторитета священников среди паствы и открывало путь распространению сектантства. Отсутствие теоретического образования не могло быть замещено опытом духовной службы, так как своё пастырство малообразованные священники видели главным образом в совершении треб и проведении богослужений.

На страницах Омских епархиальных ведомостей часто встречались призывы к самообразованию и само совершенствованию духовенства. Так, в одном из номеров издания говорилось: «В каждом пастыре желают видеть не только аккуратного требоисправителя и исправного канцеляриста, но главным образом глубокое знание человеческой души, при большом духовном опыте и обширном всестороннем образовании, чтобы он мог быть опытным духовным руководителем, равно и инициатором всех добрых начинаний в деревне для улучшения быта своих прихожан» [23, с. 25]. Однако в епархиальных отчётах отмечалось, что священнослужители часто не осознавали необходимость самообразования и не использовали даже доступные книги благочиннической библиотеки [31, д. 2593, л. 10].

На качество ведения богослужений и организации проповеднической и миссионерской деятельности повлиял и другой фактор, возникший в ходе церковных реформ второй половины XIX в. В целом по России тогда отмечался рост доли священников, а доля церковнослужителей (иподиаконов, псаломщиков, пономарей) уменьшалась. По справедливому суждению Б. Н. Миронова, «поскольку священнослужители имели более высокий социальный статус, лучшее образование, более высокие доходы, чем церковнослужители, структурные сдвиги в составе духовенства должны были благоприятно сказаться на общем социальном статусе духовенства» [19, с. 109], на что и была направлена модернизационная политика духовных и светских властей. По сведениям того же автора, в 1913 г. в среднем по России священники составляли 45%, дьяконы – 14%, церковнослужители – 41% [Там же]. От общего числа священно-церковнослужителей Омской епархии в исследуемый период священники составляли от 40 до 50%, дьяконы в среднем – 11% (извлечено и подсчитано по: [3-11; 31, д. 1965, л. 17, д. 2041, л. 14, д. 2161, л. 6, д. 2225, л. 7, д. 2287, л. 21, д. 2343, л. 14]. – З. Б.). Приведённые данные показывают, что соотношение числа священнослужителей и церковнослужителей в Омской епархии в конце XIX – начале XX в. соответствовало общероссийским тенденциям. Однако, на наш взгляд, численное доминирование священников в Омской епархии было обусловлено не столько политикой государства, способствовавшей увеличению количества представителей духовенства более высокого ранга, сколько местной спецификой. С момента образования Омской епархии по 1914 г. число приходов увеличилось в 2,5 раза, что было вызвано интенсивным переселением крестьян в Сибирь. В итоге в короткий временной период шёл процесс формирования новых причтов, которые вследствие отсутствия материальных средств состояли только из одного священника.

Материальное обеспечение духовенства Омской епархии

Основной причиной возникновения препятствий при формировании профессионального высокообразованного клира епархии была его материальная необеспеченность, особенно в приходах переселенческих поселков. Доходы духовенства складывались из разных источников: жалование от казны или прихожан, жалование от Сибирского казачьего войска, вознаграждение от прихожан за совершение богослужений и отправление треб, доходы от обработки земли, состоящей в пользовании причтов, и от отдачи её в аренду или «хлебная руга», вознаграждение за обучение в школах, проценты с причтовых капиталов, вложенных в кредитные учреждения на нужды причтов, добровольные пожертвования. В епархии были приходы, где священники получали от 1000 до 2500 руб. в год [31, д. 2287, л. 21], но таких было немного. Как правило, такие доходы получали священники крупных городских церквей. Большую же часть сельского духовенства епархии перечисленные выше источники доходов полностью обеспечить не могли.

Средства, отпускаемые из казны на содержание духовенства, составляли незначительную часть жалования священнослужителей. Сумму для каждой епархии назначал Синод, исходя из местных условий. Для Омской епархии размеры жалования устанавливались по указу Синода 1893 г. В последующие годы правительство продолжило увеличивать суммы, отпускаемые на содержание клира. Так, в 1909 г. казной было дополнительно выделено 500 000 руб., в 1910 – 580 000, в 1911 и 1912 – по 600 000 [25, с. 7]. В соответствии с указом Синода от 15 декабря 1911 г. № 9796 [Там же, с. 5] планировалось в ближайшие шесть лет полностью обеспечить казёнными «средненормальными окладами» [36, с. 379] все причты, получающие менее установленных размеров окладов. Омской епархии дополнительно выделялось с 1912 г. по 1917 г. от 5000 до 6000 руб. Дополнительное финансирование было приостановлено только в 1914 г. вследствие начавшейся войны [24, с. 14]. Средний процент священнослужителей Омской епархии, получавших государственное жалование в дореволюционный период, составлял 62% (извлечено и подсчитано по: [3-11]. – З. Б.).

Основным источником дохода духовенства являлась плата от прихожан за требоисправление, но в Омской епархии по большей части она была незначительной. В отчёте за 1909 г. преосвященный Гавриил упомянул следующие цифры: «В воскресный день зимой причт получает, например, такой доход: на проскомидии 25 копеек, за молебны 20 копеек и за крещение младенца 30 копеек. В летнее время эти доходы еще меньше» [31, д. 2287, л. 23]. Заявления священнослужителей о необходимости повышения платы за требоисправления прихожане считали вымогательством. В приходах, где причт обеспечивался казенным жалованием, прихожане совсем отказывались оплачивать требоисправления. Обеспечение причта становилось серьезной проблемой во взаимоотношениях причта и паствы. Часто жалование, определенное прихожанами, не платилось вообще. Епархиальное начальство пыталось предпринимать меры, побуждающие прихожан к уплате жалования клиру, вплоть до закрытия самостоятельного прихода и присоединения к близлежащему, но чаще это не приводило к нужному результату [Там же].

Признавая наличие серьезных противоречий во взаимоотношениях духовенства и паствы, будущий товарищ (заместитель) обер-прокурора Синода Н. Д. Жевахов в 1915 г. высказывал следующие мысли: «Вся жизнь оторвалась от своего религиозного центра, и пастыри, и архипастыри становятся всё менее нужными пастве, не нужным становится даже Сам Господь Бог; люди начинают устраиваться без Бога... Впрочем, уровень нравственной высоты духовенства понизился... Материальная необеспеченность духовенства, особенно сельского, поставившая духовенство в зависимость от паствы, не могла не отразиться на этом уровне; отсутствие способов воздействия на паству, вполне неизбежное при отсутствии приходской организации и нынешнем положении пастыря, у которого, кроме силы личного нравственного влияния, нет другого орудия, чтобы управлять паствой...» [14, с. 85].

Еще одна проблема – обеспечение духовенства готовыми домами, чего во многих приходах не происходило. Между тем в сельской местности это было обязательным условием открытия прихода. В некоторых переселенческих приходах дома для причта были очень плохими, строились из самана, с земляным полом. Описывая условия жизни духовенства в переселенческих приходах, преосвященный Андроник отмечал: «В таких квартирах летом пыль, блохи, а зимой – нестерпимый холод. Физические страдания квартирантов сопровождаются и нравственными пытками – это капризы и издевательства хозяев, не желающих считаться с условиями жизни своих квартирантов» [31, д. 2593, л. 12]. Часто священники, пришедшие на переселенческий приход, начинали болеть, страдали ревматизмом, ухудшалось зрение, дети болели коклюшем, скарлатиной, многие умирали.

Одним из вариантов решения материальной необеспеченности духовенства в Омской епархии, по примеру различных епархий России, было создание системы материальной поддержки бедного духовенства. Прежде всего, стоит упомянуть деятельность Омского епархиального попечительства о бедных духовного звания, кассы взаимопомощи духовенства Омской епархии, похоронной кассы и кассы на лечение бедных духовного звания. Эти структуры были созданы по образцу уже существовавших в других епархиях учреждений, а их уставы практически не учитывали специфических особенностей Омской епархии. На первом епархиальном съезде в 1899 г. говорилось о необходимости коренной реформы существовавших способов самообеспечения духовенства «на черный день» [21, с. 1-6]. Несмотря на стабильное функционирование и предложения прогрессивных представителей омского клира модернизировать указанные структуры, весомых изменений они не претерпели.

Система богослужебных заведений Омской епархии

Другой проблемой, влиявшей на эффективное функционирование РПЦ на территории Омской епархии и обозначившейся ещё в момент организации последней, являлось недостаточное количество богослужебных заведений. В момент образования епархии в 1895 г. насчитывалось 437 богослужебных заведений, к 1916 г. их число увеличилось почти в два раза и составило 826. Большая часть церквей была построена на средства прихожан в переселенческих посёлках. По данным И. С. Голошубина, в 1914 г. таких было не менее 247 [13, с. 17-858]. Часть церквей в сибирских епархиях строилась за счет средств фонда императора Александра III. В 1914 г. в Омской епархии таких церквей было не менее 63 [Там же].

Государство также принимало участие в строительстве богослужебных заведений. В 1913 г. указом Синода от 15 марта 1913 г. № 4326 на устройство церквей и молитвенных домов было отпущено 34 800 руб. в переселенческих поселках [31, д. 2593, л. 7]. В 1914 г. были выделены средства на строительство 13 церквей и 5 молитвенных домов [Там же, д. 2654, л. 9]. В 1915-1916 гг., вследствие военных действий, средств на строительство богослужебных заведений уже не выделялось. Частные пожертвования на строительство церквей носили немногочисленный характер. На благотворительные средства к 1914 г. было построено немногим более 73 церквей (извлечено и подсчитано по: [13, с. 17-858]. – З. Б.).

Несмотря на усилия государственных структур, Синода, епархиальной власти и общественных организаций, проблему строительства церквей в переселенческих посёлках Омской епархии так и не удалось решить. В 1914 г. не менее 130 приходов епархии не имели своего храма [Там же]. В некоторых случаях отсутствовали даже перспективы постройки церкви. Так, например, о своих нуждах высказывались жители посёлка Павлодаровского Тюкалинского уезда: «Несколько лет назад павлодаровцы возбудили ходатайство о постройке у них храма. Павлодаровцам обещали начать постройку храма на средства казны в 1913 или в 1914 г. Наступил 1914 год, но о постройке храма нет никакого слуха. Посёлок от своего приходского храма в селе Демьяновке находится очень далеко, за 20 вёрст» [27].

В некоторых приходах храм заменялся молитвенным домом. В соответствии с Уставом Православной церкви богослужения должны были совершаться главным образом в храме, а божественная литургия – только в храме. В 1885 г. определением Синода от 18 марта 1886 г. № 2899, согласно постановлению собрания преосвященных, происходившего в июне 1885 года в Казани [26, с. 2], право давать разрешение миссионерам и приходским священникам совершать богослужение с литургией на переносных антиминсах и престолах, в молитвенных домах, часовнях и других приспособленных к этому помещениям и даже на открытой местности в инородческих селениях, далеко расположенных от церквей и окруженных иноверцами, было предоставлено епархиальным преосвященным. Указ Синода от 31 августа 1907 г. № 16 также разрешал зауральским епархиальным «ввиду безотлагательного удовлетворения религиозных нужд переселенцев в отдаленных от церквей местностях давать разрешение на совершение божественной литургии на переносных антиминсах, в случае необходимости даже в простых домах» [Там же, с. 3].

Данные распоряжения Синода позволили омскому епархиальному начальству во многих вновь создаваемых переселенческих участках использовать под богослужебные заведения совершенно не приспособленные и не соответствующие требованиям помещения. В некоторых случаях это действительно было оправданно, в других в этом не было крайней необходимости. И даже если внешне помещение соответствовало требованиям, стояло отдельно от жилых домов, имело внешний вид храма с куполом и крестом, внутри располагались алтарь, иконостас и престол, очень часто престол не был освящен соответствующим образом. Преосвященный Сильвестр отмечал: «Если молитвенный дом есть настоящий дом, то есть совсем ничем не отличается от жилого дома, и внутри он не имеет освященного по чину престола, то как в нем без нужды действительно особенной совершать божественную литургию? Не умаляется ли этим священное достоинство Евхаристии? Зачем после этого настоящий храм и полное по чину освящение» [Там же, с. 2].

В среднем в год в Омской епархии строилось 15 церквей и 9 молитвенных домов и часовен. С 1895 г. по 1915 г. было построено 309 церквей, а также 180 молитвенных домов и часовен (извлечено и подсчитано по: [3-11; 31, д. 1965, л. 15, д. 2041, л. 12, д. 2161, л. 6, д. 2225, л. 7, д. 2287, л. 20, д. 2593, л. 7, д. 2654, л. 6-9, д. 2716, л. 15]. – З. Б.). Для оценки достаточности богослужебных заведений в епархии важно не только количество церквей, молитвенных домов и часовен, но и соответствие их численности количеству православного населения. В исследуемый период количество православного населения в Омской епархии выросло на 180% (525 414 человек в 1896 г. и 1 477 067 в 1914 г.) (извлечено и подсчитано по: [3-12]. – З. Б.). Количество богослужебных заведений увеличилось на 130% (в 1896 г. – 357, в 1914 г. – 821) [Там же]. Если в 1895 г. на одно богослужебное заведение в среднем приходилось 1480 православных, то в 1914 г. – уже 1799. В среднем по России в 1895 г. один приход объединял 1182 человека (извлечено и подсчитано по: [3]. – З. Б.), в 1914 г. – 1265 (извлечено и подсчитано по [12]. – З. Б.). Можно сделать вывод, что темпы строительства богослужебных заведений в Омской епархии не успевали за ростом численности православного населения, вызванным переселенческим движением.

Отношение клира Омской епархии к проектам изменения модели функционирования РПЦ в начале XX в.

Часть клира Омской епархии понимала, что сложность решения кадровых проблем, открытие собственной семинарии, повышение доходов и улучшение условий жизни духовенства, развитие сети богослужебных заведений заключались не только в ограниченности возможностей самой епархии, но и в необходимости изменения всей системы управления церковью. Это означало, что некоторые священники поддерживали проекты церковных преобразований и в отношении самостоятельности прихода, и в отношении возвращения патриаршества. Мнение группы священников Омской епархии, представленное в статье «О необходимости перемен в русском церковном управлении», чётко обозначает такую позицию: «Вне свободы Церковь может только пребывать, сохраняться, но жить, влиять, действовать так, как свойственно ей по её природе, она не может. Ограниченный в своем самоопределении и выражении, голос Церкви православной, подверженный подозрению в порабощенности мирским, государственным целям и интересам, сможет ли противостоять свободным искренним и убеждённым голосам исповедников иноверия, инославия, старообрядчества, всякого иномыслия?» [22, с. 33].

Изменение системы церковного управления рассматривалось отдельными представителями омского духовенства не как консервативный шаг к прошлому, а как путь к большей свободе и независимости церкви от государства: «Стремление к свободе церковной есть, как и должно быть, только стремление к восстановлению начертанного канонами строя церковного самоуправления, в основном и существенном навсегда не отменного, ибо строим этим охраняется свобода Церкви вселенской, единой в веках, и без него поместные Церкви не могли бы сохранить обязательный характер вселенского единства» [Там же]. Принимая во внимание тот факт, что данные высказывания были опубликованы на страницах официального епархиального издания, можно говорить, что подобную точку зрения разделяли большое число омского клира и епархиальное руководство.

До 1917 г. собор не был созван, избрание Патриарха не произошло. Д. В. Поспеловский оценил данную ситуацию следующим образом: «На рубеже нашего века просвещённое общество вступает в прямую борьбу с самодержавием, добываясь, в конце концов, Думы и определённых гражданских свобод, оно совершенно игнорирует интересы и проблемы Церкви. Последняя остаётся в одиночестве в своих попытках восстановить соборность, добиться некоторой автономии от царской власти, и особенно её бюрократии, восстановить патриаршество» [29, с. 16].

В этой связи уместно отметить, что проблема заключалась не только в неготовности высшей государственной власти к коренной церковной реформе, но в противоречивости позиций самих архиереев в этом вопросе. Как справедливо указывает И. В. Лобанова, причиной опасения смены церковного управления многими архиереями послужило слишком широкое распространение в среде мирян и рядового духовенства радикального движения за обновление церковной жизни вследствие роста революционных настроений в обществе, что «вызвало у архиереев опасения, что церковная реформа в целом в этих условиях может принять нежелательный характер» [17, с. 206-207].

Значительно усложнило положение РПЦ, поставив её в противоречивую ситуацию, изменение вероисповедной политики государства, произошедшее в результате Первой русской революции. Церковь оказалась в двусмысленном положении, когда были созданы возможности для свободы деятельности инославных конфессий, в то время как её статус не был изменён. На Предсоборном присутствии, созванном по просьбе Синода в марте 1906 г., по данному вопросу архиереи заняли следующую позицию: «Указ о веротерпимости предоставлял свободу всем религиям империи, кроме православия, которое единственное среди всех религий останется пленённой госаппаратом» [29, с. 27].

Резкой критике подверглись данные указы и со стороны духовенства Омской епархии. Представители омского клира в этой связи отмечали несоответствие мировоззренческих установок православия поведению паствы и видели в указах подрыв первенства религиозного начала в жизни сибирского крестьянства. Священник села Михайловского Петропавловского уезда Д. П. Волосатовский по данному вопросу высказывался следующим образом: «Грустно и больно становится на душе, когда представишь себе дальнейшее развитие этого нововведения о праздничных работах! В самом деле, – может ли быть достигнута цель этого нововведения: – улучшение экономической жизни крестьян – путем разрушения вековых христианских понятий и бытовых преданий?! ...главная причина крестьянского благосостояния зиждется прежде всего в сохранении религиозного и нравственного строя их жизни. Благосостояние – является уделом наших сельских обществ всегда, когда в них бывает крепко религиозный и нравственный строй» [2, с. 32]. По нашему мнению, неприятие и отчасти противодействие новой вероисповедной политике было обусловлено и возникшей конкуренцией между конфессиями. РПЦ оказалась в невыгодном положении: находясь в полной зависимости от государства, имея статус главной религии, направленной на поддержание самодержавного строя, в то же время она была лишена возможностей, которые приобрели другие религии.

Заключение

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Модернизационные процессы последних десятилетий существования Российской империи неоднозначно отразились на жизнедеятельности клира Омской епархии. Специфические особенности процесса организации новой территориально-административной единицы РПЦ в Сибири обусловили качественные и количественные характеристики духовенства как профессионального субрегионального сообщества. Одной из главных проблем в кадровом вопросе был низкий образовательный ценз духовенства. Одна из причин такого положения – отсутствие духовной семинарии в епархии.

Большая часть приходского духовенства Омской епархии была материально необеспеченной, особенно в приходах переселенческих поселков. Намерения государства обеспечить духовенство определенным минимальным казенным жалованием не были реализованы в дореволюционный период.

Число православных богослужебных заведений в первые два десятилетия существования Омской епархии увеличивалось значительными темпами. Однако стремительный рост православного населения вследствие переселенческого движения в Сибирь был несопоставимо выше. Государство и духовные ведомства, несмотря на постоянный контроль, не поспевали за этим процессом. В итоге духовенство не имело возможности полноценно выполнять свой профессиональный и духовный долг.

В начале XX в. церковь активно включилась в общественно-политические процессы в России, значительная часть омского духовенства была готова к довольно радикальным преобразованиям ради преодоления кризисного положения, в котором оказались епархиальные структуры и местные священнослужители накануне революции. Эти настроения поддерживались надеждой на большую самостоятельность, которую Православная церковь могла получить в результате проведения Собора и избрания Патриарха.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в выявлении особенностей духовенства новообразованной Омской епархии, возникших вследствие влияния большого комплекса модернизационных факторов.

Список источников

1. Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в.: дисс. ... к. ист. н. Омск, 2015. 261 с.
2. Волосатовский Д. П. Праздник - «лукавого миродержца» // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 7. С. 27-33.
3. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1896-1897 гг. Приложение к Всеподданнейшему отчёту обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1896-1897 гг. СПб.: Синод. тип., 1899. 87 с.

4. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб.: Синод. тип., 1891. 67 с.
5. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб.: Синод. тип., 1905. 73 с.
6. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб.: Синод. тип., 1905. 83 с.
7. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1903-1904 гг. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1903-1904 гг. СПб.: Синод. тип., 1909. 149 с.
8. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг. СПб.: Синод. тип., 1910. 268 с.
9. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 гг. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 гг. СПб.: Синод. тип., 1911. 266 с.
10. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. СПб.: Синод. тип., 1913. 131 с.
11. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. СПб.: Синод. тип., 1913. 230 с.
12. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. СПб.: Синод. тип., 1916. 144 с.
13. Голошубин И. С. Омская епархия (справочная книга). Омск: Иртыш, 1914. 1250 с.
14. Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова: в 2-х т. Мюнхен: Новый сад, 1923. Т. 1. 452 с.
15. Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 2. 807 с.
16. Кильчевский В. А. Богатства и доходы духовенства. М.: Работник, 1908. 46 с.
17. Лобанова И. В. Восстановление патриаршества в России // 1917 год: революция, государство, общество и церковь / отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров; сост., науч. ред. И. В. Поткина. М.: Институт экономических стратегий, 2019. С. 206-207.
18. Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54-82.
19. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.
20. Никольский Н. М. История русской церкви. Изд-е 3-е. М.: Политиздат, 1985. 445 с.
21. Омские епархиальные ведомости. 1899. 15 ноября.
22. Омские епархиальные ведомости. 1905. 1 апреля.
23. Омские епархиальные ведомости. 1909. 15 сентября.
24. Омские епархиальные ведомости. 1914. 15 ноября.
25. Омские епархиальные ведомости. 1915. 1 июля.
26. Омские епархиальные ведомости. 1915. 1 декабря.
27. Омский вестник. 1914. 14 марта.
28. Памятная книжка Омской области (возрождённое издание). Год 2007: информационно-статистический сборник. Омск: Омкстат, 2008. 460 с.
29. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
30. Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: в 4-х т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3. 765 с.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442.
32. Свод законов Российской империи: в XVI т. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Деятель, 1913. Т. IX. Свод законов о состояниях. 208 с.
33. Скальский К. Ф. Омская епархия: опыт географ. и ист.-стат. описания городов, сёл, станиц и посёлков, входящих в состав Омской епархии. Омск: Тип. А. К. Демидова, 1900. 422 с.
34. Тобольские епархиальные ведомости. 1895. 1 и 16-го апреля.
35. Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX - начале XX в.: дисс. ... к. ист. н. Кемерово, 2003. 260 с.
36. Фирсов С. Л. Церковь в Империи: очерки из истории эпохи императора Николая II. СПб.: Сатис, 2007. 460 с.
37. Церковное благоустройство: сб. действующих церков.-граждан. законоположений, относящихся к Духов. ведомству. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1901. 451 с.

Информация об авторах | Author information

Берковская Зорина Николаевна¹

¹ Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Berkovskaya Zorina Nikolaevna¹

¹ Dostoevsky Omsk State University

¹ *ber-zorina@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.11.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): имперская модернизация; Русская православная церковь; духовенство; Омская епархия; modernization of public administration system; Russian Orthodox Church; clergy; Omsk eparchy.